

На правах рукописи

Пономаренко Татьяна Олеговна

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИТИЯ НИФОНТА 1222 Г.

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2009

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания государственного образовательного учреждения высшего и профессионального образования «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жолобов Олег Феофанович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Николаева Наталья Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент
Чевела Ольга Всеволодовна

Ведущая организация: Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева

Защита состоится 26 декабря 2009 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д.212.081.05 по присуждению ученой степени доктора и кандидата филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, ауд. 1006.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина».

Автореферат разослан «___» ноября 2009 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент
Т. Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Славяно-русские памятники составляют обширный корпус текстов древнерусского периода (XI – XIV вв.). На сегодняшний день науке известно около тысячи таких памятников¹.

В связи с открытием берестяных грамот, представляющих, несомненно, исключительную ценность для изучения динамики развития живой восточнославянской речи, последние десятилетия ознаменовались в исторической русистике некоторым снижением интереса исследователей к славяно-русским текстам. Между тем, эти памятники являются важнейшим источником по истории русского языка, поскольку они не только дают ценную информацию о живых языковых процессах периода своего создания, но и последовательно отражают этапы формирования литературно-письменной нормы.

В плане научного освоения языкового материала система древнерусских славяно-книжных памятников являет собой неоднородную картину. Так, данные богослужебных текстов, прежде всего, евангелий, активно привлекались в работах как основателей отечественного исторического языкознания (А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново), так и последующих поколений историков русского языка (П. С. Кузнецова, Г. А. Хабургаева, Б. А. Успенского, В. М. Живова, В. Б. Крысько и др.). Язык служебных миней, начало изучению которого было положено И. В. Ягичем, становится объектом внимания многих ученых со второй половины XX в. (С. П. Обнорский, В. М. Марков, В. В. Колесов, В. А. Баранов и др.). Памятники же других жанрово-стилистических разновидностей (главным образом, агиографические и религиозно-дидактические) до последнего времени привлекались к исследованию в гораздо меньшей степени. Если иметь в виду многостороннее изучение подобных источников, в котором прежде всего нуждается современная палеорусистика, то после выхода в свет образцовой работы В. В. Виноградова «Орфография и язык Жития Саввы Освященного по рукописи XIII в.» (1968 г.) программа полномасштабного описания агиографических памятников, представленная в названном исследовании, по-прежнему остается не реализованной.

Таким образом, **актуальность работы** определяется тем, что комплексное, многоаспектное исследование древнерусских славяно-книжных текстов остается одной из главных задач современной исторической русистики. При этом особого внимания заслуживают памятники небогослужебного характера, «более разнообразные по составу и содержанию и менее скованные неизменным следованием письменной традиции»², а следовательно, более ярко и отчетливо

¹ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. – М.: Наука, 1984. – 405 с.; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV века. Вып. 1. – М.: Индрик, 2002. – 768 с.

² Жолобов, О. Ф. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования / О. Ф. Жолобов // Письменность, литература и фольклор

демонстрирующие динамику как славяно-книжных, так и узואально-речевых форм.

Материалом исследования послужил текст Жития Нифонта по ростовскому списку 1222 г. (РГБ, Тр. 35).

Житие Нифонта – памятник византийской агиографии, переведенный с греческого не позднее X в. в восточной Болгарии, – получило широкое распространение в древнерусских списках. Житийная литература, как известно, пользовалась в период своего бытования особой популярностью, отвечая на вопросы, больше всего интересовавшие простых людей: о Боге и ангелах, об аде и рае, о том, что бывает с человеком после смерти и т. д. Давая исчерпывающие ответы на эти и другие вопросы, Житие Нифонта, таким образом, являло собой настоящую энциклопедию по всем вопросам как религиозно-теоретического, так и морально-практического характера и занимало одно из первых мест среди произведений, на основе которых складывались народные религиозные представления.

Выделяются три редакции памятника: две пространных, представленных ростовским списком 1222 г. (РГБ, Тр. 35) и рядом других, а также краткая редакция, известная по списку конца XII в. в составе Выголексинского сборника (РГБ, Муз. 1832) и по четырем спискам XVI-XVII вв.

Исследуемый ростовский список 1222 г. является наиболее полным и совершенным из всех сохранившихся списков пространной редакции. Объем рукописи составляет 175 листов. Текст, написанный уставом в два столбца (в лист), разделен на 68 параграфов. Первые 11 листов утрачены (и приписаны к оригиналу в XVII в. на бумаге); древняя часть текста (которой и посвящено диссертационное исследование) написана на пергаменных листах.

Изучение рукописи имеет особое значение для исторической лингвистики, прежде всего, ввиду той исключительной роли, которую сыграл период ее создания (первая четверть XIII в.) в развитии русского языка: многие явления, определявшие основные языковые тенденции в последующие периоды, были впервые отражены именно в памятниках XIII в.³, в частности, в Житии Нифонта 1222 г., выделенном еще А. И. Соболевским в качестве старших памятников⁴.

Ценность свидетельств рукописи обусловлена точной и ранней датировкой, наличием записей переписчиков и определенной территориальной приуроченностью – связью с Ростовом Великим. Комплексное исследование языка рукописи, однако, до сих пор не было предпринято.

В настоящей работе использовалось издание рукописи, подготовленное (в составе греческих текстов жития) А. В. Рыстенко и осуществленное одесской

славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10 – 16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. – М., 2008. – С. 51.

³ Осипов, Б. И. История русской орфографии и пунктуации / Б. И. Осипов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – С. 44.

⁴ Соболевский, А. И. Лекции по истории русского языка / А. И. Соболевский. – М., 1907. – С. 103-104.

Центральной научной библиотекой в 1928 г.⁵, с дальнейшей сверкой по фотокопии оригинала, представленной на официальном сайте Троице-Сергиевой лавры⁶.

Объектом исследования является функционирование и дистрибуция языковых форм в Житии Нифонта 1222 г.

Предметом исследования являются графико-орфографические, фонетические и морфологические особенности рукописи.

Цель исследования заключается в выявлении и описании языковых особенностей рукописи, раскрывающих ее своеобразие как славяно-русского памятника старшего периода.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- установление набора графем в дублетных оппозициях графической системы рукописи и определение их функций;
- выявление основных графико-орфографических тенденций, определяющих принципы дистрибуции графем внутри дублетных звеньев;
- установление характера и принципов реализации старославянских и древнерусских рефлексов в рукописи;
- оценка употребления букв редуцированных в рукописи и выявление фактов, отражающих состояние процесса падения редуцированных в живом языке первой четверти XIII в.;
- выявление ведущих тенденций, определяющих образование и употребление грамматических форм основных частеречных категорий в рукописи (имя, местоимение и глагол);
- установление характера традиционных грамматических форм и места инноваций в морфологической системе рукописи.

Основными методами исследования являются описательный, синхронно-диахронический, количественный методы, а также элементы структурного анализа.

Описательный метод позволяет максимально полно зафиксировать, обобщить и проанализировать разноречивые показания рукописи, изучить все возможные условия варьирования синонимичных единиц на уровне графики, орфографии, фонетики и морфологии.

Синхронно-диахронический метод позволяет определить место графико-орфографической, фонетической и морфологической систем рукописи в общем контексте развития древнерусской языковой системы.

Количественный метод и элементы структурного анализа позволяют определить количество и частотность употребления в рукописи языковых единиц с учетом их противопоставлений и взаимосвязей.

Научная новизна работы обусловлена, прежде всего, выбором материала: впервые проводится детальное описание графико-орфографической,

⁵ Житие Нифонта Констанцкого. Матер. з ист. візант.-слов'ян. літ. та мови / Підг. А. В. Ристенко. – Одеса, 1928. – 383 с.

⁶ www.stsl.ru. Размещение рукописи осуществлено в рамках совместного проекта Российской государственной библиотеки и Троице-Сергиевой лавры.

фонетической и морфологической систем языка Жития Нифонта 1222 г., ранее не привлекавшегося к исследованию в этом направлении. В сферу научных изысканий вводятся новые лингвистические данные, расширяющие сведения исторической русистики о динамических процессах в славяно-книжном и живом языке древнерусского периода.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в разработку вопроса о становления письменной языковой нормы; способствуют уточнению условий формирования грамматических категорий; дополняет сведения о степени влияния живой разговорной речи на язык церковно-славянских переводных текстов древнерусского периода; представляет новые лингвистические данные, способствующие воссозданию объективной картины функционирования древнерусского языка.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут быть использованы в качестве практической основы для новых научных изысканий в области исторической русистики, в общих курсах по истории русского языка, в спецкурсах по истории древнерусской графики, орфографии и морфологии, при составлении исторических словарей по материалам древнерусских памятников письменности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Житие Нифонта 1222 г., как славяно-книжный памятник, созданный в переломный момент развития всей системы древнерусского языка, представляет особый интерес в плане соотношения церковнославянских и древнерусских языковых особенностей.

2. Отражая начальный этап формирования собственно восточнославянской графико-орфографической системы, рукопись характеризуется последовательно проводимыми тенденциями, которые в дальнейшем будут определять развитие орфографической нормы: устранение многофункциональности графем путем перераспределения их функций по позиции в слове и расширение функций одних членов дублетного звена за счет ограничения функций других.

3. Распределение южнославянских и восточнославянских рефлексов в рукописи определяется последовательным отражением какого-либо одного типа рефлексии для каждого конкретного сочетания. В целом наблюдается преобладание южнославянских рефлексов.

4. Преимущественное сохранение в рукописи букв сильных редуцированных и частичное сохранение слабых обусловлено книжным характером памятника и связано с навыками писцов и древностью антиграфа. Материал рукописи свидетельствует о завершении парадигматического этапа падения редуцированных и отражает переход к морфологическому этапу (что подтверждается фактами чередования с «нулем» звука в корневой морфеме, ассимилятивного взаимодействия согласных и т. д.).

5. Морфологическая система рукописи, в отличие от графико-орфографической и фонетической систем, демонстрирует большую приверженность книжно-письменной традиции. Однако, наряду с тенденцией к сохранению традиционной морфологической системы, в рукописи наблюдается

и динамическая тенденция к расширению вариативности грамматических форм, которая в последующие периоды развития языка должна была привести к закреплению одних форм и ликвидации других.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были изложены в докладах на следующих научных конференциях: 1) итоговая научная конференция КГУ «Русская и сопоставительная филология» (Казань, февраль 2008 г.); 2) итоговая научная конференция КГУ «Русская и сопоставительная филология» (Казань, февраль 2009 г.); 3) IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25-28 сентября 2009 г.); 4) Международная научно-практическая конференция «Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты» (Ростов-на-Дону, 1-4 октября 2009 г.); 5) IX научно-практическая конференция «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи» (Казань, 5-6 ноября 2009 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Исследование поддержано Аналитической ведомственной целевой программой «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)» (рег. номер 2.2.1.1/6944).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, отмечаются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, дается характеристика материалов и методов исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

В **I главе «Графико-орфографические особенности рукописи»** рассматривается вопрос об употреблении в рукописи графических дублетов $j - jE - E - e$, $s - b$, $t - \text{`} - \ddot{U}$, $l - z - f$.

Графико-орфографическая система рукописи отражает начальный этап формирования восточнославянской орфографической нормы. Важнейшей особенностью этого периода становится графико-орфографическое варьирование, выступавшее как «признак профессионального искусства писцов»⁷.

Рукопись характеризуется неравномерным в количественном и функциональном плане соотношением графем в дублетных звеньях.

В дублетном звене $j - 7$ графема j узкое является нейтральным элементом, употребляющимся не только в позиции после согласных, но и практически в любой позиции; 7 – маркированный член дублетного звена, наиболее часто использующийся в позиции начала слова ($7\text{`}lt;f$ (351/5), $7\text{`},kj,S\backslash pf[]$ (254/5), $d]7^{\wedge}km5fylhb\backslash$ (263/32)), и после гласных ($ght7\text{`},hf\backslash pb;tcz$ (254/27), $d]7\text{`}hjE;tyb$ (259/7), $b7\text{`}ab\backslash k]$ (326/13), $b7\text{`}cq\backslash a]$ (286/33)), реже – в функции предлога

⁷ Гиппиус, А. А. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения / А. А. Гиппиус // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 95.

(hfpvSikz.\o. 7Ñ uh@c@ (269/9)) и междометия (7Ñ dhf;t ,=bb (258/10)), а также оформляющий позицию графической диссимилиации (ckm\pfvb ,j 7Ñ\lmh,bv] (270/30), vyuj7Ñ\,hfpmyf (256/21)).

Единственная функция, в которой *омега* не дублируется графемой *j узкое*, – это оформление приставки *от-* и предлога *от* (8d@ofd] (275/24), 7Ñ\nblt (300/24), 8 c^{l+}hwf (330/6), 7n] dtob (260/22)).

Одной из существенных особенностей исследуемой рукописи является отсутствие в ее графико-орфографической системе графемы *μ широкое* (а также *× очное*).

В дублетном звене jE – E – e графема jE, являясь нейтральным компонентом, может оформлять фонему <u> в любой позиции, лигатура e наиболее последовательно употребляется в функции маркера конца строки (hfre\v]vm (286/31), u=b gjvbke\b (325/10), d] gjhjle \ d@xmyjE. (276/20)); монограф E в целом малоактуален для орфографии рукописи (что характерно для периода создания памятника – первой четверти XIII в. – когда данная графема еще не вошла в активное употребление), его функции в основном ограничены маркированием заимствований (^uEgm\n] (348/9), rEh] (292/34), vE\hS y@rS1 (296/23)) и позиции конца строки (ghbybryE\nb (294/31), 1^dbd]iE \ yfv] (345/13)).

Дублетное звено s – b характеризуется ограничением употребления *s десятиричного* функциями числового обозначения (/s=/ v@\lybwm (330/13), /s=/ k@n] (308/2), /ps=/ ly=bb (327/8)), оформления имени *Иисус* (sc=] [°] (288/5), sc=t [=t (269/20)), оформления позиции конца строки (ghtkmcnq\nb (280/1), ;q\pym (289/8), bpd@cnq \ vz (265/11)) и графической диссимилиации (ghfdmljE \ q bcnbyjE (289/28), ghtkmcnbnq\ b q 7Ñvhfxbnb (263/29)). Однако при этом распределение графемы по тексту достаточно частотно и регулярно. Графема *b восьмеричное*, выступая в качестве немаркированного члена дублетного звена, является для писцов наиболее актуальным способом обозначения фонемы <i> во всех позициях.

В дублетном звене t – ` – Ū распределение графем демонстрирует отход от старославянской орфографической системы (характерной и для ранних восточнославянских рукописей) и переход к новым орфографическим нормам, основанным на живом восточнославянском произношении: в начале слова и после гласных преимущественно используется графема ` (^dfym\u@kb1 (291/22), ^vjE (272/24), ^htnbrf (322/11), ^cnm\cndj (379/17), b`htvb. ghh=rf (350/1), b^`h°kv] (268/11), ,k=ujjE[fyb` (261/1), ytbpkb\df`vj` (266/25)), в позиции после согласных последовательно отражается графема *t узкое* (ghblt (260/3), vjht (267/16), otlhSb (267/9)).

Графема Ū *широкое* в рукописи малочастотна: в позиции после гласных она встречается лишь в единичных случаях (vjŪ\vjE (261/16), cdjŪvm (320/1), cdjŪ^vjE (346/2)), в начале слова ее употребление ограничено узким кругом лексем (Ūg°g] (300/24), Ū^lf (256/20), Ūldf (276/24), Ū\ulf (281/12), Ū^cnm (259/2)). При этом большинство примеров с Ū *широким* и *t узким* в начале слова и после гласных определяется собственно графическими причинами (позиция

конца строки, «тесная строка», вписывание вверху строки пропущенной графемы).

В дублетном звене $l - z - f$ наблюдается наиболее последовательное распределение графем по позиции в слоге: l пишется в начале слова ($l\delta bcz$ (270/4), $l^{\wedge}rj$ (255/20), $l^{\wedge}p\delta bnq$ (260/6)) и после гласных ($ghj\rf;tyS1\ 7\tilde{N}\backslash xbof1$ (287/31), $hfcrf1d]^{c}$ (293/20), $cnj1^{\wedge}it$ (337/6)), z – после согласных ($hfegzif$ (288/8), $dzobb^{\wedge}$ (273/7), $,@cz\backslash ob[]$ (284/12), $,t\backslash p\ vjExbntkz$ (253/22)), кроме шипящих и w , после которых употребляется f ($jEgjEofit$ (252/28), $li=f$ (290/27), $cnhf\backslash;f$ (289/6), $8\ yf\backslash xfn]rf$ (264/9), $nSrdbwf$ (301/29)). Отступления от данного принципа немногочисленны и вполне закономерны в рамках характерной для периода создания рукописи вариативности орфографической нормы.

Важнейшей особенностью рукописи является то, что собственно графические принципы (позиция конца строки, «тесная строка», графическая диссимилиация) не являются ведущими при выборе той или иной графемы. Так, в позиции конца строки, наряду с маркированными графемами 7 , s и e , более активно употребляются нейтральные члены дублетных звеньев j узкое, b и jE . Еще менее выражена с помощью дублетов позиция графической диссимилиации: если графическая диссимилиация еще частично отражается писцами с помощью дублетов 7 и j , s и b , то для графем j и e , $`$ и t , l и z эта функция уже не актуальна.

В графическом отношении особый интерес представляет распределение графем в дублетных звеньях $jE - E - e$ и $t - ` - \ddot{U}$ в связи с появлением новых членов этих звеньев – E и \ddot{U} . Употребление данных графем в целом по рукописи еще нерегулярно и малочастотно, однако уже сам факт их появления свидетельствует о начале процесса перераспределения функций между графемами в дублетном звене.

Употребление графических дублетов в рукописи демонстрирует также расширение функций одних членов дублетного звена за счет ограничения функций других. Так, функции графем e и s в основном сводятся к маркированию позиции конца строки, тогда как их дублеты jE и b становятся наиболее употребительными в любой позиции.

Наиболее значимым для писцов рукописи становится орфографический принцип распределения графем по позиции в слоге. Так, в дублетных звеньях $j - 7$, $t - ` - \ddot{U}$, $l - z - f$ наблюдается тенденция к употреблению 7 , $`$ и l в начале слова и после гласных, j , t и z – после согласных. Однако и этот принцип еще не является универсальным: употребление одного из графических дублетов обязательно пока лишь в определенных позициях, что обусловлено, вероятно, так называемой «однонаправленностью» древнерусской орфографической нормы, «когда выбор одного из графических знаков обязателен только в определенных случаях, а в других допустимы оба»⁸.

Во II главе «Фонетические особенности рукописи» анализируются отраженные в тексте рефлексy йотовой палатализации, палатализации консонантных сочетаний, рефлексy дифтонгических сочетаний гласных с

⁸ Осипов, Б. И. История русской орфографии и пунктуации / Б. И. Осипов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – С. 69.

плавными, а также огласовки начала слова ` – j, . – jE, f – l; рассматривается употребление редуцированных в рукописи и описываются явления, связанные с их утратой.

В плане соотношения старославянских и древнерусских рефлексов фонетическая система рукописи являет собой весьма неоднородную картину.

В целом в рукописи преобладают старославянские рефлексy, которые последовательно проводятся в отношении следующих сочетаний:

**tj*: gh@otyb` (354/7), ghjcd@\otyj (371/6), 8d@ofd] (355/21), d]c[Soty] (381/1), d]pdhf\of.otcz (369/8);

**kt*, **gt* + *i*: htob (254/1), gtom juym\yjE (311/1), yjob (273/20), ytvjob (257/29), gjvjjoyb\rf (290/2);

**stj*, **skj* u **sk* + *i*: gjEof\it (371/21), 7Ñ\xbof1 (288/1), ghtkmoty] (289/1), otlhjnS (374/1), ghj\otybl (285/26), botnm (285/23);

**tort*, **tolt*, **tert*, **telt*: [hfybntkq (342/7), pkfnj (297/18), ;h@\,bb (351/20), jE\gk@yz`vf (373/12);

**ort*, **olt*: hf,t (359/19), hfpjE\v]vm (258/17), hfdmy] (281/24), fk]\rfnb (256/29).

Восточнославянские рефлексy демонстрируют следующие сочетания:

**dj*: hfcjE;tyq\` (279/27), db;m (279/32), jEuf;f[e (290/2), hj;mitvjEcz (297/5), jEuj;mib[] (304/32), yflt;f (255/33);

**tort*:

а) *одноеровое* (т. н. «русское») написание: r]hvkz\it (309/3), cr]h,z (257/20), g]kwb (350/29), ghj]k;fit (255/28), wm\hrjdm (352/7), cn]kg] (267/17), v]kyb\1^ (300/32), ;mhndjE (289/30);

б) *двуеровое* написание (т. н. «второе полногласие»): d] v]k]\xfybb (337/14), gmh]cn]\vm (258/2), 8dmh]\cnf (315/32), xmh]\nju] (348/32), d]k]yfvb (330/29), 7Ñcr]h],kt\yj` (270/7).

Сочетания **zdz*, **zgj* u **zg* + *i* обнаруживают вариативность рефлексации:

а) традиционное старославянское написание с ;l: hf\;lbpf`nmcz (294/26), ,tpl]\;lb` (300/14), l]\lm (300/23), hf;lm;t\yb. (321/3);

б) написание с ;, отражавшее древнерусское произношение: d];bpf[]cz (270/11), hf;m;tyb` (271/31), hf;b\pf`v] (257/6).

Употребление начальных *je* (`ktyb (312/14), `lby] (259/28), `lbyfrj (252/28)) и *a* (f^uymwf (366/27), fr] (254/12)) в соответствии с восточнославянскими *o* и *ja* является данью старославянской традиции. В последовательном употреблении начального *u* (jEhj] (302/9), d] jEujcnb (320/33), jEujif (329/26), jEnhj (376/18)) в соответствии с южнославянскими *ju* следует видеть влияние живого произношения.

В отношении каждого рефлекса, как правило, проводится лишь одна огласовка, что говорит о наличии у писцов устойчивых представлений о соответствии каждого конкретного варианта книжно-письменной норме. Отступления от этой нормы весьма немногочисленны. Так, рукопись фиксирует некоторые очень ранние примеры отражения особенностей живой восточнославянской речи (восточнославянский рефлекс сочетания **tolt*: uj\kjds (339/16); восточнославянское *x* < **tj*: crhmu]xf (326/32), crhm\;mx.nm (303/11)).

В целом в рукописи преобладают старославянские рефлексy, что обусловлено следованиeм книжно-письменной традиции и влияниeм орфографии антиграфа.

Рукопись представляет особый интерес в плане сопоставления фонетических и традиционных написаний редуцированных в эпоху, ставшую финалом их существования, и помогает воссоздать динамику преобразования фонологической системы древнерусского языка.

В отношении употребления букв редуцированных рукопись демонстрирует значительное отставание правописания от живого древнерусского произношения: буквы сильных редуцированных употребляются в тексте чрезвычайно последовательно, а слабых – утрачиваются лишь частично. Подобное состояние системы редуцированных в рукописи обусловлено книжным характером памятника и связано с навыками писцов и древностью антиграфа.

Разнообразные факты рукописи свидетельствуют о завершении парадигматического этапа падения редуцированных и отражают переход к морфологическому этапу:

1) чередование с «нулем» звука в корневой морфеме: c]y] (293/25) - cy@ (291/33), d@ym\wm (310/26) - d@ywb (375/6), ndjhmwm (336/18) - ndjhwf (354/4), ghfdmlySb (324/25) – ytghfdlS (327/9), gmc] (334/12) – gcf (257/35), p]k] (328/31) - pkj (284/1);

2) ассимилятивное взаимодействие согласных на стыке морфем: а) ассимиляция по твердости-мягкости: hfcjEl]ySb\vm (255/12), bpm\v@hm (379/25), ,tpm\v@hmySb (292/1), chfv]yf (343/15), vb\h]yf (290/2); б) ассимиляция по звонкости-глухости: vyjuf;lS (262/19), vyjuf;m\lS (291/5), [jEljim\cnd]vm (329/1), ult (342/22), ul@ (383/4);

3) пропуск слабых редуцированных в предлогах, приставках и суффиксах: r nt,t (333/25), c nj,j. (260/25), d yt\ghfdml@ (290/14), r yb\ajynE (359/14); cgjlj,b (304/8), c[hf\yb (305/17), dkf\uf`nm (397/31); cjElyS\b (383/11), ,Sdit\v] (380/17), d@ywb (375/6), hf\pkbxyj (370/25), ytghfdlS (327/9), ndjhwf (354/4), uh@\iybrjv] (354/34), w@k,S (382/1);

4) прояснение сильных редуцированных: cf;t\wm (278/12), fuytwm (335/29), juytphfxty] (373/31), dct,tpyfxkty] (336/1), cnhfity] (336/3), wm\hrjdm (269/11), ghb\itl]it (364/3), 7Ñcrj\h,bd]i.cz (264/16), cnjkgf (268/14), 7Ñ\lth;bv] (294/3), gjdth;tcz (299/23), bcgjkytyq (341/30), c k.,j\db. (367/11);

5) употребление гласных полного образования на месте слабых редуцированных в результате выравнивания субстантивной основы: d]gkjotybv`vm (303/10), c] cktpfvb (372/24), cnjkg] (268/10).

Фонетическая система рукописи отражает сложный процесс взаимодействия архаичных письменных традиций и живых языковых процессов периода ее создания.

В III главе «Морфологические особенности рукописи» изучается вопрос об отражении взаимодействия субстантивных основ, варьировании падежных форм существительных и отражении процесса развития категории одушевленности в рукописи; определяются особенности употребления

местоимений, именных и членных форм прилагательных и причастий; рассматривается система личных глагольных форм и форм двойственного числа.

Морфологическая система рукописи, в отличие от графико-орфографической и фонетической систем, обнаруживает значительно большую консервативность.

Значительнее всего приверженность исходной морфологической системе выражена у глагола. Так, в рукописи практически без изменений сохраняется исходная система временных форм глагола, причем каждая парадигма форм времени употребляется строго для обозначения определенного отношения действия к моменту речи.

Употребление прилагательных и причастий в рукописи свидетельствует о развитии специализации кратких и полных форм. Данный процесс, однако, еще далек от своего завершения, о чем свидетельствуют частотные случаи взаимной мены полных и кратких форм в тождественных синтаксических условиях. Так, краткие прилагательные и причастия последовательно используются как в предикативной функции: *1rj \ ghfdmlmy] \cb b vjElh]* (280/19), *rfrj li=f \ xkd=rf ctuj jE\gk@yz \vf \ `cnm* (273/12), *fyu=kb 7Ñ\cnfdkmit g@\yb` gkfx.\nmcz `uj hj\hw@ uk=.ot* (273/11), *;tyf ;t \ y@rjnjh f gj\xbdfit yf \ ghtcnjk@ nj\vm/ kjExfvb \ hfpkbxyS\vb j^rjkj ct,t p@kj ghj\cd@of.^ob* (371/10); так и в атрибутивной: *njE f^,b^ yf\yjifit `vjE \ c]y] ,tpv@hm\y]/ vSckz \ b^ n@vm hfckf\,bnb* (256/1), *b yxf 8njka@ \ ce[/ [k@,] \ 1^cnb* (256/27), *yf gjEnb nj\vm cnj1^[jE ve\;b xmhyb dtkb\wb* (259/7), *8nhmuye\nb yjp@ ghb\kmg/i. r] rfvyb.^* (267/12), *yb uy@df\bcz/ yb pfphb \ xkd=rf c\uh@\if.^of/ nz;m\rf ,j vjErf nf\rjdS[] ;blt\nm* (258/32).

Краткие и полные действительные причастия могут выполнять функцию основного сказуемого: *ghfdm\lySb^ ;t yb\ajyn]/ ghjdb\l@d/ ghtcnf\dktyb^ cdj^ \ cbw@vm j^,hf\p]vm* (372/31), *b ,S⁺ d] jE;fc@ b nhtgtn@ \ 8 vyjufuj c]\nhf[f/ b nt\r] c\rhSb^cz pf ldmhvb \ whr=dmySvb* (295/3); и выступать в качестве субстантивата: *b \ yb `lbyuj ;t \ j^,h@nt ,jh.ofcz c ybvm* (315/14), *lf f^ot c]\ndjhmifuj yS \ 7Ñ,h@nj[jv]* (288/9), *8njka@ d@hjdf[] \ 1rj lf1b^ yb\o./ d] bcnbyjE \ d hjEw@ ,j=E d]\kfuf nm* (308/18).

Рукопись содержит большое количество архаичных форм, перенесенных, по-видимому, из протографа:

1) формы простого аориста (3 л. мн. ч.): *b hfpybcentcz yj\p@ `^uj/ b gmhcnb \ 8gfljE ;bkf\ v] ,j dc@v] b\puybdifv]* (329/25), *7Ñ \ uh@imySb \ ybajynt/ yS\y@ ghbljE yf\dS (sic) uh@cb ndj\b^* (263/14);

2) формы сигматического аориста древнего типа (от основ на согласные): 1 л. ед. ч.: *h@[/ ;t `^vjE \ f^p] gj 7Ñim\cndb b^[]* (272/13), 1 л. мн. ч.: *j^ ytvm ;t \ h@[jv]* (331/28); 3 л. мн. ч.: *j^yb ;t h@\if gjblb c] cg@\[]vm pjdtm \ nz u=m* (330/12);

3) формы сигматического аориста от основ на -1 < *ę (ст.-сл. -z), не отражающие перехода *s* в *ch* (подобные формы редко встречаются даже в старославянских памятниках): 1 л. ед. ч.: *b `^ot lf h] 8 ytuj \ ghb1^cm* (345/16), 3 л. мн. ч.: *b gjbv]it b ,@\cb ,b.ot b c/d@\cz b d] ,tplmyjE \ b gh@lfif b nm\vySv] ryz\ptv]* (320/9);

4) формы глаголов 3 л. дв. ч. наст. и прош. вр. на -nt: *ghjcd@nb\cntcz/ xflj vj\` 7Ñxb ndjb* (270/15), *b^ ,h]dq \`uj uS,zcnt\cz* (265/33);

5) форма 1 л. ед. ч. наст. вр. глагола *d@l@nb* (в рукописи в большинстве случаев в этой функции выступает не исконное образование *d@vm*, а форма *d@l@*, являющаяся по происхождению простым перфектом, утраченным славянами еще в дописьменную эпоху): *jEdS \ vy@ uh@i\yvjE/ 1rj yt d@l@ xnj c]d@of\.* (264/8), *xnj cndjh. yt \ d@l@* (310/9), *yt hmwb ,kfrj yt d@l@ nt,t* (269/28);

6) архаичные падежные формы существительных (прежде всего, *ũ- и *ŷ-основ, а также *ĩ-основ и основ на согласный): *dtkbrf k.\,S`^uj r yfv]* (341/25), *rfrj \ nz yfhtrjE \ d@rjv] ndj\hmxt/ xnj nb \ ghbhtjE/ vyj\uf1^ k.,S j^x=f* (336/22), *cd@\nzcnt ;t nb cz \ j^xb f^rS b gkf\vs juymy]* (313/31), *1^rj gfdm\k]`^cnm ,kf\;tySb^ f^g^k] /// f^ j^dmwf k.lb^ \ c]E^{nt} ;b=b/ f 7Ñ\uhflf whr=S* (363/21), *gj \ ckjdteb ;t cn=fuj l[=f* (262/12), *rjkbrij cnt\yf[] cy=jE vj\b nt,t hflb/* (270/9), *d] wh=rdt \ yfitb* (367/18), *l/job yt \ njE;b y] vjkb \ ,=f* (324/25), *d] juyb \ c]ujhbib* (325/7), *y] cnhfim\yf v/kybb^ \ c[jlzob bp ytuj* (320/24), *gkf\df.otb ;t \ c]E^{nt} cy=dt xk=dxm\cnbb* (370/13).

Тем не менее, ряд представленных в тексте форм заслуживает особого внимания, поскольку эти формы являются ярким отражением восточнославянских языковых особенностей и свидетельствуют об уже намечающейся тенденции к преобразованию доминирующей в рукописи исходной книжно-письменной нормы.

Следует особо отметить обнаруженные в рукописи глагольные формы 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. без -nm как яркий пример отражения живого древнерусского языка: ед. ч.: *f^ot vb`^ k@gj \ gjd@lfnb* (254/11), *f^ot nq \`^ ,=]* *vjb gjdt\k@k] gjujE,b\nb vz* (263/21), *xnt\nm nmvyfuj \ ,@cf/ b;t ;tkf^ gj;h@nb dmcn vbh]* (344/33); мн. ч.: *nfrj b c]g@kb \ c],bhf.^ j^rj\kj ct,t ,tcnjE\lyS1^ ,@cS* (344/31), *lj ySy@i\yuzuj c]E kb \ cz jEvyj;b\kb cn=bb gj dct\vjE vbhjE* (355/28); наряду с традиционными формами: *vj;tnm* (288/3). *ge\of^nm* (287/16), *htjEnm* (279/12), *uk=.nm* (287/16).

Яркой особенностью имперфекта в рукописи как памятнике восточнославянского происхождения является наличие форм 3 л. мн. ч. с -nm: *j^lmh;f]jE\nm* (329/30), *gj\yjif]jEnm* (309/14), *j^,kb\xf]jEnm* (317/6), *dkxfx]jEnm* (277/16), *8\,@uf]jEnm* (315/23), *,b\1^]jEnm* (288/7). Подобные формы, как и в презенсе, являются результатом смешения первичных и вторичных окончаний в праславянском языке.

В рукописи обнаружены также аористные формы 3 л. ед. ч., содержащие вторичные флексии -nm и -cnm: *b \ ch@nt b/ b lf\cnm`^vjE [k@,\,]* (308/14), *b ghb1 8 hjE\rjE`uj [k@,\,] \ b d]lf\cnm`^ve \ ,ku=jckjkdtyb`* (308/17), *lf 1rj;t \ ghjcnht hjEre \ lmh;f [k@,\,] \ ybotk.,mwm/ \ b ct ghjcnhtnm\cz j^,hfp] cg=c]d]/ d hjEw@ [^+j]k.,bdvjE j^yj\vjE* (308/15), *U=b ,=t bobnf1%b dcz hfpjE\v]vm/ b^;t ghj\cnmhtnm y,=j b \ ptkv. jEndm\hlb lmh;fdj\.^ cb* (258/17).

До настоящего времени наиболее ранними примерами употребления аориста с -nm (-cnm) считались формы, приведенные А. И. Соболевским из

рукописей XIV в.⁹ Обнаружение подобных образований в Житии Нифонта 1222 г. доказывает, что они употреблялись значительно раньше – уже в первой четверти XIII в. Таким образом, это самые ранние примеры (из известных на сегодняшний день) смешения аориста и презенса (подготовленного омонимией форм простого аориста типа *ytct*, *blt*, *htxt* и соответствующих форм презенса без -*nm*).

В рукописи зафиксирована инновационная древнерусская форма 1 л. мн. ч. глагола 2 кл. – с обобщением суффикса -*u*-. *xf\lmwf gj,@uybv/ \ 8 kbwf ybajy\njdf* (315/7).

Членные прилагательные и причастия в форме ДП ед. ч. муж. и ср. р. употребляются в рукописи с инновационными местоименными флексиями -*ому* (-*ему*): *,k;=yvjvE* (306/4), *ytbplht\xtymyvjvE* (260/28), *yfcSnbd\itvjE* (255/23), *dS\iytvjE* (338/5), *uh@iyvjvE \ b j^rfymyvjvE* (309/29). Зафиксировано также несколько членных прилагательных муж. и ср. р. с местоименными флексиями -*ого* (-*его*) в форме РП ед. ч. (*x.;tuj* (301/12), *,kf\ujuj* (367/8), *cn=j\uj* (377/25), *uh@iyj\uj* (383/10)) и -*омь* (-*емь*) в форме МП ед. ч.: *7Ñ juymyvm dbl@ybb^* (299/9), *ghb dtkbrjvm \ ryzpb* (383/14), *d] j^,motvm ;b\bbb^* (301/27). Подобные примеры свидетельствуют о начале процесса выравнивания членных форм прилагательных и причастий по образцу склонения неличных местоимений.

Одним из наиболее ранних примеров фиксации особенностей живого языка в славяно-книжных памятниках являются обнаруженные в рукописи формы *nj,@*, *cj,@* – ДП и МП личного местоимения *nS* и возвратного местоимения *ct,t*: *7Ñ[] nj,@ yb\ajynt/ jE,j\uSb^* (267/9), *`;t \ vS cfvq \ cj,@ ghbj,h@nf^v] ghtcne\gktyb`vm* (358/10), *cb nj,@ \ [°] lfjdf* (375/10), *j^ ujht nj,@ \ ybajynt* (372/14).

В рукописи обнаруживаются ранние случаи проявления категории одушевленности у личных и неличных существительных в форме мн. ч.: *ghb`^vkz ,@cj\d/ cb[]* (319/10), *xnj cnjl^ cvj\nhbib jdmwm* (362/33), *j^dmwm \ cb[] gjgfcnq* (363/9). До недавнего времени считалось, что во множественном числе, как и в единственном, процесс развития категории одушевленности охватил сначала слова мужского рода, обозначавшие лицо¹⁰. Обнаружение в рукописи форм ВП=РП у *feminine* во мн. ч. имеет особое значение, поскольку данные формы свидетельствуют о распространении категории одушевленности во множественном числе среди существительных женского рода уже в конце раннедревнерусского периода.

Рукопись демонстрирует тенденцию к закреплению у существительных муж. и ср. р. флексий РП ед. -*f*, ДП ед. ч. -*jE*, ИП мн. ч. -*jdt*, РП мн. ч. -*jd*], что проявляется в употреблении с данными флексиями существительных, относящихся к разным типам основ:

⁹ См.: Соболевский, А. И. Лекции по истории русского языка / А. И. Соболевский. – М., 1907. – С. 160.

¹⁰ См., напр.: Хабургаев, Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена / Г. А. Хабургаев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 170.

РП ед. ч.: cy=f (340/21), dm\h[f (267/21), lfhf (346/10), vbhf (268/2), 7Ñw=f (266/6), n@kf (302/28), u=f (266/20), juyz (311/16);

ДП ед. ч.: uj=E (361/11), yt\,jE (265/20), l[=jE (306/2), xb\yjE (341/4), ckjdjE (338/30), vbhjE (355/29), hjljE (306/21), cy=jE (383/1);

ИП мн. ч.: nhjE\ljd (267/4), cjEljd (290/24), wd@\njdt (292/2), dhfxt\dt (359/16), ,@cjdt (305/22), ljvjd (301/3), xbyj\dt (350/29), lfjhjd (339/7);

РП мн. ч.: lfhj\d] (339/29), ,@cjd] (283/5), uh@[j\d] (325/23), g]\krjd] (351/8).

При этом отчетливо прослеживается тенденция к сокращению словоизменительных моделей каждого грамматического рода, сопровождающаяся на начальном этапе своего развития расширением вариативности грамматических форм.

Рукопись демонстрирует чрезвычайно частотное и последовательное употребление форм дв. ч., являвшегося в период ее создания, как доказано современными исследованиями¹¹, еще живой категорией. Прежде всего, это формы свободного двойственного числа – парные обозначения соматического ряда: hjEw@ (255/25), yjp@ (267/13), yf rjk@yjE (373/27), j^xbvf (344/29), jEcnmy@ (348/1) и т. д., в том числе две уникальные лексемы с парным значением, пополняющие известный нам перечень парных соматических обозначений: 1) nj d]p,b1^it d] jEcnf cdj\l^ r/h/iyzvf \ uk=z (253/3), j^y] ;t ghjuy@\dfdcz yf cdj` \ n@kj/ \ yxfcz \ ,bnb r/hiyz\vf (321/19); 2) bc[j;fit \ ,j jE;t 8 j^rhf\rjE ``uj rh]dm (329/19).

В **Заключении** представлены основные результаты диссертационного исследования.

Комплексное исследование графико-орфографической, фонетической и морфологической систем языка Жития Нифонта 1222 г. позволяет сделать вывод об особой значимости этого памятника для исторической русистики: созданная в переломный момент развития всей системы древнерусского языка, рукопись демонстрирует как ряд очень древних языковых черт, восходящих к старославянскому протографу, так и яркие восточнославянские особенности, а также ранние примеры инноваций. Рукопись являет собой редчайший пример древнего текста, содержащего датировку и имена писцов – этим обусловлена особая ценность ее свидетельств.

Анализ взаимодействия и борьбы архаичных элементов книжно-письменной системы и инновационных языковых процессов в этом тексте первой четверти XIII в. помогает воссоздать целостную картину бытования и развития древнерусского языка.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

¹¹ См.: Историческая грамматика древнерусского языка / Под. ред. В. Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2000–. Т. II: Двойственное число / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. – 2001. – 236 с.

1. Пономаренко Т. О. Рефлексы дифтонгических сочетаний гласных с плавными в Житии Нифонта 1222 г. // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 3. – С. 299-304.

2. Пономаренко Т. О. Распределение графических дублетов 7 / j в Житии Нифонта 1222 г. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. – С. 120-124.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3. Кривова (Пономаренко) Т. О. Фонетико-орфографическое своеобразие Жития Нифонта 1222 г. // Русская и сопоставительная филология '2008: Исследования молодых ученых / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 132 с. – С. 37-41.

4. Кривова (Пономаренко) Т. О. Редуцированные в Житии Нифонта 1222 г. // Русская и сопоставительная филология '2008: Исследования молодых ученых / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 132 с. – С. 34-37.

5. Пономаренко Т. О. Рефлексы йотовых палатализаций и палатализаций консонантных сочетаний в Житии Нифонта 1222 г. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008, № 2. – С. 89-91.

6. Пономаренко Т. О. Отражение процесса падения редуцированных в Житии Нифонта Констанцкого 1222 г. // IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25-28 сентября 2009 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галлиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – Т. 2: Морфемика, словообразование, грамматика. История языка и диалектология. Лингводидактика. Литературоведение и фольклористика. – 304 с. – С. 165-167.

7. Пономаренко Т. О. Начальные звуки ` - j, . - jE, f – 1 в Житии Нифонта 1222 г. // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ "Логос", 2009. – 336 с. – С. 50-51.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства
Казанского государственного университета
Тираж 100 экз. Заказ 84/11

420008, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел.: 233-73-59, 292-65-60